

Цзюнь Лин-сы говорил хмуро и серьёзно, а каждое его слово эхом раздавалось в зале заседаний:

— Князь Мин считает, что Цзюнь Цин, пренебрегая славным вековым именем своей семьи, является подлым человеком, который без стыда и совести прибегнет к грязным приёмам? — Наклонив голову, мужчина взглянул на Цан Янь и слегка кивнул, давая знак.

Цан Янь, поднявшись с места, сказал:

— С того момента, как князь Мин появился здесь и поселился в императорском дворце, каждое его действие было взято под пристальное наблюдение, особенно когда учитель Сунь рассказал про засаду и войска отправились уничтожить её. За тот промежуток времени каждое движение, каждого, с кем сталкивался князь Мин, каждое сказанное им слово мы тщательно анализировали. Хоть князь Мин и вёл себя несколько странно, но сказать по-правде, у него вовсе не было времени связаться с войсками, что находились в засаде.

Натянутые нервы юноши расслабились, а сам князь тотчас же заскрежетал зубами, ведь ещё немного, и этот тип довёл бы его до сердечного припадка. Вот только если каждое движение было под наблюдением, тогда как он переодевался, мылся, разве это не было тоже... Всё, в будущем, когда он будет мыться, то обязательно станет что-нибудь надевать на себя, чтобы не осрамиться.

Се Гуан добавил к сказанному:

— К тому же мы, основываясь на оставленных солдатами следах, уже можем утверждать, что это было войско Бэйци. Если шпионом является князь Мин, тогда засаду должны устраивать войска Силэй.

«Ха, именно!» — согласился Фэн Мин и с восхищением посмотрел на Се Гуана. Вот только сам генерал из-за того, что его войско стало добычей сидящих в засаде людей и понесло ущерб, лишился доброго имени, и, несмотря на верный анализ, его лицо по-прежнему было искажено.

Другой же генерал озадаченно проговорил:

— То есть здесь, в нашем Дунфань, есть ещё один шпион?

— Верно, к тому же нам обязательно следует поймать его и взять под стражу, прежде чем нападут на наш Дунфань.

Цзюнь Цин слегка поднял руку, и все тотчас же остановили дискуссию.

Мужчина холодно добавил:

— Господа, успокойтесь, нет такого шпиона, у которого не обнаружился бы прорехи [1]. Сегодня вечером проведём расследование и проясним это. Сейчас совещание временно прекращается, никому не следует покидать зала заседаний.

Во время этого перерыва генералы вновь начали шёпотом высказываться. Естественно, никто не посмел говорить с князем, который, оглядевшись по сторонам, поднялся на ноги, намереваясь размять обмякшие мышцы, и внезапно услышал донёсшийся сзади голос Цзюнь Цина:

— Князь Мин, прошу, проследуйте за мной.

Фэн Мин слегка испугался, но под пристальным взглядом окружающих спешно последовал за Цзюнь лин-сы, который вышел из зала заседаний.

Снегопад уже прекратился, и ветер дул не слишком сильный. Зал заседаний выглядел словно тюрьма-изолятор, окружённый строгой охраной.

Главнокомандующий Дунфань и прибывший из Силэй князь Мин шли плечом к плечу. Позади двух мужчин следовали, держась поодаль, приближённые люди семьи Цзюнь, охраняя своего господина.

Облачённый в величественные генеральские доспехи, Цзюнь Цин медленно шёл по снегу, заведя руки за спину.

Покинув тёплую комнату и оказавшись на холодном ветру, Фэн Мин резко чихнул и, увидев, как вольготно ведёт себя Цзюнь Цин, невольно восхитился. Неужели все мужчины семьи Цзюнь не боятся холода? Вместо того чтобы сидеть в тёплом зале заседаний и ничего не делать, генерал, наоборот, вышел прогуляться.

Вернувшись к роптанью, князь не собирался признавать себя хуже других и, сделав несколько шагов, нагнал генерала и поравнялся с ним.

— Какие намерения у князя Мина? — без раздумья спросил Цзюнь лин-сы.

Лицо князя выражало непонимание:

— А?

— Болезнь господина советника уже нельзя игнорировать, и мы с Вами это прекрасно понимаем. — Снег скрипел под тяжестью военных сапог. Цзюнь Цин, понизив тон, добавил: — После хаоса, учинённого советом цзиши, и с того времени, как князь Мин стал принимать участие в военном совете, господин советник тяжело заболел, а за пределами столицы оказалась засада. Подземные воды под нашими ногами бушуют [2], гибель уже близка. —

Мужчина внезапно остановился и, обернувшись, взглянул на князя, после чего проговорил: — Князь Мин должен дать мне ответ.

На что Фэн Мин невинно почесал затылок:

— Я всё ещё считал, что Цзюнь лин-сы позвал меня на улицу из-за предателя, и как раз изо всех сил думал, как же объясниться с Вами. Но кто бы мог подумать, что Вы возьмёте да и внезапно зададите такой удивительный вопрос. Ладно, какой ответ от меня хочет услышать Цзюнь лин-сы?

Острый взгляд генерала задержался на лице юноши, однако, увидев его несравненную невинность и очарование, Цзюнь Цин, не сдержав горькой улыбки, покачал головой:

— Князь Мин не чувствует свою огромную удачу? Я почти поверил, что князю Мину действительно покровительствуют Небеса. Скажу честно, если бы Дунфань не оказался в такой щекотливой и кризисной ситуации, то князь Мин сейчас бы не смог стоять здесь и беседовать со мной. Цзюнь Цин не тщеславен, однако в Дунфань нет человека, которого я бы не убил. Господин советник, возможно, тоже обратил внимание на это и только тогда выдвинул кандидатуру князя Мина, открыто вступая со мной в бой.

Моргнув, Фэн Мин посмотрел на стоящих поодаль охранников, и хоть он плохо понимал, однако была одна фраза, с которой юноша не мог не согласиться: отнять у князя жизнь для Цзюнь лин-сы не составляло огромного труда, и кто знает, согни мужчина палец, и дело сделано. Невольно подумав об этом, юноша вытянул руку и коснулся шеи. Хм, его шея совершенно не толстая, лёгкий удар ножа может тотчас же прикончить его.

Сейчас все члены военного совета говорили «щекотливое положение», да и сам князь понимал, что положение щекотливое, однако в каком месте?

Юноша немного покраснел, ведь, конечно, он на самом деле совершенно ничего не понимал.

Если бы Жун Тянь был здесь, тогда не пришлось бы шевелить мозгами.

Сделав печальное лицо и размышляя долгое время, князь в итоге развёл руками:

— Раз уж Цзюнь лин-сы искренне поболтал со мной, я тогда скажу откровенно и прямо. Господин советник тяжело болен, и это уже не секрет; господин советник хочет передать мне своё место, об этом Цзюнь лин-сы, вероятно, тоже догадался. И для нас это совершенно не загадка. Конечно же, что касается меня, то я вообще не планирую отнимать у Цзюнь лин-сы какое-либо место. Чего я не понимаю, это то, что всё содеянное господином советником — забота об императоре Дунфань. Конечно, Цзюнь лин-сы тоже предан государю, полагаю, противоречий не слишком много. Так почему же Цзюнь лин-сы в этот решающий момент захотел избавиться от господина советника?

«Ты справишься с Лу Данем, допустим, но тебе ещё нужно будет справиться со мной, как несправедливо».

Цзюнь Цин смотрел на князя не отрываясь, в глазах было слишком много восхищения, причём настолько, что уголки губ изогнулись в редкой и смутной улыбке, а сам мужчина, отвернувшись, продолжил прогуливаться, вновь начиная разговор:

— Князь Мин и впрямь чувствительный человек. На самом деле Цзюнь Цин никогда не понимал старания господина советника. Его чувство верности государю действительно может растрогать. Потому, когда я получил новость о тяжёлой болезни господина советника, первое, что почувствовал — вовсе не радость, а огорчение. — Мужчина, обернувшись, посмотрел на изумлённое лицо Фэн Мина, после чего объяснил: — Князю Мину не стоит удивляться. Военнослужащие крайне уважительно относятся ко всему и зачастую к собственным врагам.

— Так Цзюнь лин-сы и господин советник на протяжении...

— Князь Мин до сих пор не понимает причину наших противоречий. — Тон речи Цзюнь Цина звучал не так уж плохо, а сам мужчина медленно проговорил: — Крупные противоречия генерала и господина советника заключаются в том, что господин советник предан государю, а генерал верен всему царствующему дому Дунфань. Князь Мин, должно быть, всё понял из того, что я сказал.

— А-а! — князя внезапно осенило.

В эту эпоху из всех одиннадцати государств лишь у Дунфань чувствовался демократический характер. И хоть у этой страны был государь, однако он совершенно не решал государственные дела, для этого существовали, по крайней мере, совет цзиши или столетний род семьи Цзюнь, все они могли выражать собственное мнение, к тому же имели право решающего голоса.

Хм, кажется, это немного напоминает античный римский парламентарный строй.

А смелый и расчётливый Лу Дань с влюблённым в него императором Дунфань ломают эти устои.

Если желания Лу Даня — позволить императору Дунфань получить как можно больше власти, чтобы государь мог делать всё, что заблагорассудится, и чтобы никто не смел ему перечить, то стремления Цзюнь лин-сы заключались в том, чтобы защитить и стабилизировать политическое положение самого Дунфань, в том числе право компромисса внутри императорского рода. Другими словами, Цзюнь Цин не одобрял полную власть императора, который мог прибегнуть к самоуправству.

Тем более что нынешний император Дунфань был отнюдь не талантливым монархом, если одна сторона — Лу Дань — хотела, чтобы он обладал полным правом власти, то вторая, в лице Цзюнь лин-сы, изо всех сил контролировала его «объём власти», не позволяя совершить слишком

много ошибочных решений. Где уж там им найти компромисс и шанс договориться?!

— Раньше, когда совет цзиши приводил господина советника к покорности, почему-то господин Цзюнь лин-сы молчал. Однако после, когда влиянию цзиши нанесли удар, и чтобы господин советник не овладел политикой двора, Цзюнь лин-сы тотчас же был вынужден появиться, — наконец-то немного понял Фэн Мин.

Заметив неплохую проницательность князя, Цзюнь Цин со вздохом сказал:

— Господин советник тяжело болен, если бы он не сделал огромного шага, то и Цзюнь Цин никак бы не отреагировал. Вследствие смерти господина советника в Дунфань не найдётся никого, кто бы мог решить судьбу всей страны. Однако неожиданно господин советник выдвигает кандидатуру князя Мина.

На что юноша тотчас же отмахнулся:

— Цзюнь лин-сы не стоит таким серьёзным тоном упоминать меня. На самом деле у меня совершенно нет желания бороться за власть, лучше всем пожать друг другу руки и стать хорошими друзьями. Вот только мне немного непонятно: если Цзюнь лин-сы противился, тогда не следовало позволять мне участвовать в военном совете, Вы даже могли убить меня. — «Конечно, ты ни в коем случае так не поступишь».

Цзюнь Цин прямо ответил:

— Разве тяжело убить человека? Есть две причины, не позволившие мне воспользоваться таким зверским способом. Во-первых, господин советник, выбрав подходящий момент, позволил князю Мину участвовать в политических делах Дунфань, именно тогда, когда я всеми силами старался не делать того, что могло посеять смуту в стране. Во-вторых... — Мужчина посмотрел на Фэн Мина и, неожиданно искривив губы в мягкой и в то же время лёгкой улыбке, добавил: — Цзюнь Цин до сих пор восхищается мудростью господина советника, ведь тот человек, которого выбрал господин советник, безусловно, принесёт неожиданную пользу Дунфань. Такой редкий талант Цзюнь Цин не будет разрушать. Конечно, если такой человек упрямо станет чинить препятствия стране на пути к стабильности, то Цзюнь Цин будет вынужден принять меры и нанести удар.

Поначалу Фэн Мин ещё, посмеиваясь, кивал, выражая согласие, однако, услышав конец всей фразы, испугался и, деланно улыбаясь, ответил:

— Я очень люблю стабильность и ни в коем случае не стану чинить препятствия. — «Вот только я очень люблю стабильность Силэй, не более».

— Именно это и есть ответ князя Мина? Князь Мин согласен, заняв место помощника правителя, продвигать систему не самоуправства и делать всё так, чтобы сохранить баланс сил Дунфань? — Цзюнь Цин хохотнул и, протянув толстую мозолистую ладонь, проговорил: —

Тогда нам нужно ударить по рукам в знак обещания. С сегодняшнего дня Цзюнь Цин станет другом князю Мину и всеми силами будет поддерживать князя Мина в становлении государственным чиновником и помощником правителя. А князю Мину нужно гарантировать Цзюнь Цину, что он не приведёт Дунфань к полной императорской власти и самоуправству.

Фэн Мин краем глаза посмотрел на находящихся вблизи нескольких высоких людей Цзюнь Цина, вооружённых острыми мечами, в ужасе обнаруживая, что во время прогулки генерал незаметно завёл его в безлюдное место.

Цзюнь Цин заманил князя сюда, и не исключена возможность, что если не получится договориться, то у генерала появятся намерения дать волю рукам. Подумав об этом, Фэн Мин разве мог о чём-то ещё рассуждать и, спешно вытянув руку, откровенно сказал:

— Цзюнь лин-сы считает, что Фэн Мин является человеком, который поддерживает императорскую власть и самоуправство? Вот только у меня есть одно требование: Цзюнь лин-сы должен пообещать, что будет верен государю; хоть императорский двор и народ могут жить в разногласии, однако император есть император. Иначе как я смогу объяснить всё господину советнику? — Таким объяснением, где появлялись мощь и вежливость, можно было гарантировать, что генерал Цзюнь почувствует непоколебимую преданность князя государству Дунфань.

Холодно фыркнув, Цзюнь Цин ответил:

— Князь Мин считает, что Цзюнь Цин неверный человек? В вековом роду семьи Цзюнь никогда не было мятежников.

— Хорошо!

Двое мужчин, ударив по рукам, скрепляя клятвой союз, разразились смехом.

В душе Фэн Мин сильно скривился.

Сейчас подумалось: «Наоборот, даже хорошо, что Жун Тянь притворяется мёртвым, ведь если бы они не поверили в его смерть, то не снизили бы настороженность, и дело никогда бы не приняло такой благоприятный оборот».

Лу Дань, из-за смерти Жун Тяня, и позже Цзюнь Цин, из-за уверенности Лу Даня в Фэн Мине, дали юноше шанс.

А в глубине души мелькнуло: «Неужели действительно есть некая воля Неба?»

— Мы достаточно долго провели на улице, пора возвращаться.

Двое мужчин повернулись кругом и, идя плечом к плечу, отправились обратно тем же путём.

Направляясь в зал заседаний, Цзюнь Цин машинально обронил:

— Учитель Сунь уже в годах, не знаете, сколько у него учеников?

Фэн Мин подумал: «Ой, матушка-императрица, на Вашу почтенную приманку попалась рыбка». И всё так же скромно ответил:

— Я единственный бесполезный ученик, который освоил лишь половину знаний учителя.

— А-а. — Цзюнь Цин молча слегка кивнул и сделал примерно десять шагов, и, когда Фэн Мин почти посчитал, что разговор окончен, мужчина вновь проговорил: — Под моим командованием много молодых генералов, достаточно умных, но, к сожалению, ни один из них не сравнится с князем Мином. Если князь Мин говорит, что бесполезен, то, боюсь, в мире не осталось стоящих людей.

На мгновение оживившись, Фэн Мин проронил:

— Почему? У Тринадцатого помощника редкий талант полководца. Самое важное в командовании — характер, а тринадцатый помощник полководца была рождена в военном столетнем роду и обладает уникальными манерами великого полководца, нужно лишь несколько лет оттачивать навыки и изучить множество пунктов военного искусства, после чего наверняка она станет непревзойдённым отважным полководцем.

— Но Цзюнь Тин всё же девушка.

— Цзюнь лин-сы ни в коем случае нельзя недооценивать женщин. — Князь замедлил шаг и чинно добавил: — Женщина намного крепче мужчины и внимательнее, а преимущество тщательного анализа очень важно на войне. Когда будет необходимо, женщина проявит свою мощь, и кто знает, может, эта мощь превзойдёт мужскую природу. Конечно, это всё зависит от определённых людей и мест. — Услышали бы эти слова современные феминистки, наверняка похвалили бы Фэн Мина.

Цзюнь Цин в душе был потрясён и невольно обрадовался:

— Князь Мин прав. — У мужчины была только одна дочь, и его, как отца, всегда охватывала печаль при мысли, а что если она не сможет занять место Цзюнь лин-сы, однако слова Фэн Мина вызвали в душе генерала одобрение.

Крайне смущённый князь тотчас же ударил себя в грудь, заверяя:

— Превосходный талант тринадцатого помощника моему учителю наверняка очень понравится. Цзюнь лин-сы может не переживать.

Но Фэн Мин не лгал. «Если в будущем Жун Тянь отвоюет территорию Дунфань и Цзюнь Тин добровольно сдастся в плен Силэй, то её обучат любому военному искусству, хи-хи».

За разговором мужчины уже дошли до зала заседаний.

Именно в этот момент из-за главных ворот выглянул генерал Цан Янь и, увидев возвращающихся мужчин, вышел навстречу:

— Господин Цзюнь лин-сы вернулся, все уже внутри и ждут вас. — И генерал совершенно незаметно кивнул Цзюнь Цину.

Словно что-то поняв, Цзюнь Цин внезапно помрачнел и, медленно кивнув, ответил:

— Мы идём.

Князь тоже не был идиотом и, поглядев, как эти двое обмениваются взглядами, и не понимая, что случилось, внезапно насторожился. Когда юноша собирался войти в большие ворота, Цзюнь Цин вдруг одёрнул его сзади.

Фэн Мин обернулся и посмотрел на благоговейное лицо мужчины.

— Цзюнь Тин всё ещё юна, и если что-то случится, прошу князя Мина позаботиться о ней.

Князь ни с того ни с сего непроизвольно кивнул, думая, что у «учителя Суня» появился ученик. Ну и ну, с одной стороны была дочь Цзюнь Цина, а с другой — рекомендованный Лу Данем — величественный верховный правитель Дунфань, кажется, «Искусство войны Сунь-цзы» действительно ценится.

Двое мужчин вошли в зал заседаний, и все ожидавшие генералы одновременно поднялись с мест. Этого вполне было достаточно, чтобы увидеть весомость Цзюнь Цина.

Один генерал начал докладывать:

— Только что военная разведка донесла, что семь отборных войск, находившихся неподалёку, уже вернулись в столицу и пока размещены в одном месте, чтобы их можно было легко перебросить.

Слушая доклад, Цзюнь Цин сел на своё место и тяжёлым взглядом окинул всех:

— Предателя уже поймали. — От этих слов не знавшие всей подоплёки генералы удивились.

— Приведите сюда.

Занавеска поднялась, и неизвестно когда вышедший Цан Янь вновь вошёл в комнату, за ним вошли четыре огромных стражника. Двое из них тащили за собой ещё живого мужчину. Втащив тело в зал заседаний, охрана положила его в центр зала и, отступив, встала в стороне.

В тот же момент взгляды присутствующих сосредоточились на этом мужчине.

Этот человек был облачён в военную форму Дунфань, вот только из-за сурового наказания одежда была почти изорвана ударами плетью, вся спина — в крови, тело покрывали ужасающие раны, руки и ноги были неестественно искривлены, очевидно, их сломали.

Цан Янь, обращаясь к Цзюнь Цину, доложил:

— Он уже признался: в нашей стране ещё пять шпионов Бэйци, но рангом ниже, их уже схватили и ждут распоряжений господина Цзюнь лин-сы. Ваш подчинённый, кроме того, тщательно обыскал его жилище и остальные места, и судя по всему, других высокопоставленных генералов, вступивших с ним в сговор, нет.

Фэн Мин только сейчас понял: вот из-за чего Цзюнь Цин недавно приказал генералам не покидать зал заседаний. Конечно, когда все в сборе, удобно выяснить, кто есть кто.

Вот только кто же, в конце концов, этот предатель, почему фигура казалась несколько знакомой? Шпион лежал ничком, лицо было обращено в пол, а спина выставлена напоказ. Фэн Мин плохо знал генералов Дунфань и не мог узнать лишь по спине.

Се Гуан яростно заорал:

— Возмутительно, неожиданно позволить этим людям проникнуть в наш зал заседаний! Изменник, ты мне заплатишь за моих солдат, что погибли в вашей засаде! — Шагнув вперёд, генерал безжалостно пнул человека в живот, переворачивая шпиона.

Залитое кровью лицо открылось взору, Фэн Мин присмотрелся и внезапно испугался, узнав в этом предателе Линь Иня.

Вот только сейчас, вспоминая, пришло небольшое понимание, почему молодой человек проявлял ненависть к князю, заставляя Цзюнь Тин следить за Фэн Мином. Потому, что юноша и его учитель раскрыли место засады Бэйци.

Подняв голову и оглядевшись, Фэн Мин только сейчас запоздало заметил, что Цзюнь Тин

сегодня не находилась, как обычно, за спиной своего отца.

В таком случае неудивительно, что как только князь оказался здесь, тотчас же нарвался на обсуждение предателя, отчего до смерти разнервничался, а после во время перерыва был выведен на улицу, где беседовал с Цзюнь лин-сы. Разве в такой ситуации у князя было время смотреть, здесь ли упрямый тринадцатый помощник или нет?!

— Как господин Цзюнь лин-сы намерен наказать этого человека?

Один генерал холодно проговорил:

— Этот человек передавал наши сведения, убил наших солдат, нельзя просто пощадить его.

— Не стоит ограничиваться этим, в прошлом, когда Дунфань вступил в войну с Бэйци, также неизвестно, скольких наших войск он выдал своим.

«Кто бы мог подумать, что инцидент с одной крошечной засадой заставил Цзюнь лин-сы сразу же поймать такого хорошо скрывающегося предателя, кажется, этот старик не так-то прост». При этой мысли Фэн Мин, невольно представив себя на месте Линь Иня, внезапно задрожал.

— Я считаю, что его следует приговорить к линчи. — Вспоминая трагическую смерть своих людей, помощник Се Гуана заскрежетал зубами.

Цзюнь Цин взглянул на Линь Иня, в котором едва теплилась жизнь, и, глубоко задумавшись, сказал:

— И впрямь очень досадно, этот человек очень талантлив, но, к сожалению, свой талант он использовал не ради моего Дунфань. М? Князь Мин, кажется, поменялся в лице. Неужели о чём-то задумался? — И взгляды неожиданно упали на Фэн Мина.

Сердце бешено забилося в груди, а сам князь суетливо поднял голову:

— А-а, я лишь удивился, на каком основании Цзюнь Цин утверждает, что именно этот человек — предатель?

Сильно изменив своё отношение к Фэн Мину, генерал с лёгкой улыбкой ответил:

— Честно говоря, всё просто. Этот предатель не только должен являться высокопоставленным военным Дунфань, вдобавок ему необходимо быть крайне осведомлённым насчёт внутренней политики как страны, так и императорского дворца, а также обладать внутренними сведениями государства и знать щекотливое положение в императорском дворце после уничтожения совета цзиши, только тогда, выбрав подходящий момент, он мог воспользоваться

такими крайними и эффективными средствами, чтобы осуществить нападение на мой Дунфань.

Фэн Мин понял: Линь Инь был ответственен за сбор сведений во дворце и, конечно же, являлся наилучшей кандидатурой. Генерал Цан Янь добавил:

— Как только выявили подозреваемого, тогда, чтобы быстро взять обстановку под контроль, нужно было отыскать письма и им подобные неоспоримые доказательства, что оказалось не таким сложным делом. Мы, в найденном у него тайнике, обнаружили его переписку с Бэйци. — Среди всех генералов лишь Цан Яню было приказано выявить предателя, это давало понять, что он является доверенным лицом Цзюнь лин-сы.

Фэн Мин энергично закивал, радуясь про себя: «К счастью, его переписку с Жун Тянем никто не смог понять». Не зная, о чём думает князь, множество генералов продолжили обсуждать наказание Линь Иня.

— Ваш подчинённый считает, что нужно продолжить допрос. Он много лет скрывался в Дунфань, и наверняка есть множество тайн, которых он ещё не рассказал.

— Генерал Цзюнь Яо, Вы не доверяете способам допроса генерала Цан Яня? В руках генерала Цан Яня, ручаюсь, никто ничего не осмелится утаить.

«Кто бы мог подумать, что Цан Янь такой жестокий, и впрямь не стоит судить человека по одежке». Фэн Мин посмотрел на генерала Цана, как раз сталкиваясь с его дружелюбным на вид взглядом, отчего незаметно высунул язык.

Третий помощник полководца, на чьём лице был чудовищный шрам, посмотрел на лежащего на земле Линь Иня и мрачно, внушая страх, проговорил:

— Если больше не нужно его допрашивать, не лучше ли прибегнуть к старым наказаниям страны Нанью: сначала перебинтовывать шпиону раны, залечивая их, накормить досыта, а потом живьём содрать с него кожу, позволяя предателю медленно умирать.

От услышанного у князя холод прошёл по позвоночнику.

Во время этой дискуссии дверная занавеска внезапно и резко открылась. Все присутствующие уставились на дверь и тотчас же прекратили спор, позволив тишине воцариться в зале.

Цзюнь Тин, стискивая в правой руке меч, острым взглядом скользнула по лицам генералов, останавливаясь на окровавленном, лежащем на земле теле Линь Иня. В глубине чёрных глазах появилась лёгкая рябь, как на поверхности воды, которая в тот же миг застыла.

Цзюнь Цин приглушённо спросил:

— Я приказал тебе взять под свою ответственность каждое прибывшее в столицу войско. Почему, проделав половину пути, ты вернулась?

Переведя взгляд на отца и внешне напоминая Цзюнь Цина, такая же упрямая, гордая Цзюнь Тин, ни сказав ни слова, медленно сделала шаг, приблизилась к Линь Иню и, не обращая внимания на пристальные взгляды со стороны генералов, резко опустила на одно колено и, вытянув руку, крепко стиснула потрескавшиеся до кости пальцы возлюбленного. Девушка опустила голову, внимательно всматриваясь в лицо, залитое кровью, из-за чего сложно было рассмотреть знакомые черты, и затем спросила:

— Что-то хочешь мне сказать? Тогда говори. — Голос звучал на удивление нежно.

Цзюнь Цин в ярости закричал:

— Цзюнь Тин, убирайся отсюда! — От этого крика задрожала кровля, роняя лёгкую пыль.

Словно не слыша, девушка блестящими глазами смотрела на молодого человека и с неописуемо трепетной любовью нежно проговорила:

— Я спешно вернулась, тебе больше незачем страдать.

Наблюдавшие за этой сценой онемели в испуге. Цзюнь Цин затрясся от злости:

— Эй, кто-нибудь, вышвырните тринадцатого помощника вон!

Несколько охранников сделали шаг вперёд, но Цзюнь Тин внезапно подняла голову и, пронзительно-холодным взглядом уставившись на них, заставила нескольких мужчин невольно отступить на два шага.

После чего девушка успокоилась и, вновь склонив голову, тихо посмотрела на Линь Иня.

Линь Инь, улыбнувшись, прошептал несколько слов. Его зубы, вероятно, во время пыток были вырваны и, как только губы зашевелились, лишь алая кровь хлынула из уст, где уж там можно было что-то услышать!

Однако Цзюнь Тин кивнула:

— Хорошо-хорошо... — И глубоким взглядом посмотрела на него, медленно отозвавшись и повторив несколько раз «хорошо».

— Цзюнь Тин, ты хочешь оскорбить вековую славу нашего рода? — Цзюнь Цин больше не мог

сдерживаться и внезапно поднялся с места. Мужчина понимал, что никто не посмеет пойти против его дочери, поэтому генерал сошёл по ступенькам и, охваченный гневом, подошёл к Цзюнь Тин: — Если ты больше не подчиняешься моим приказам... — До Цзюнь Тин оставалась всего три шага, как внезапно в воздухе раздался звон меча, покинувшего ножны.

Трепетный и пропитанный любовью взгляд, которым девушка одаривала Линь Иня, резко похолодел, стройное тело выпрямилось, попутно вонзая обнажённое лезвие в тело. Звук меча, разрезающего мясо и кожу, в мёртвой тишине зала был ужасающим, а брызги свежей крови рассыпались в воздухе.

В одно мгновение все присутствующие настолько были потрясены, увидев алые капли крови, что даже шевельнуться не могли.

Пронзив сердце Линь Иня, девушка с мгновение тихо посмотрела на лицо молодого мужчины, внезапно прекратившего дышать, медленно вынула меч и, манжетом произвольно смахнув кровь с острия, вернула оружие в ножны. Только потом Цзюнь Тин повернулась к отцу и сказала:

— Линь Инь является подчинённым Вашей дочери и примет наказание лишь от рук Вашей дочери, и это не преувеличение. — И девушка изогнула губы в блёклой улыбке, неожиданно заставив всех слегка вздрогнуть.

Даже Цзюнь Цин, похоже, лишился повседневного самообладания и, помрачнев, не вымолвил ни слова.

— Если у отца больше нет распоряжений, тогда Ваша дочь отправится встречать каждое прибывшее в столицу войско. — И под пристальными взглядами Цзюнь Тин непринуждённо поклонилась и, попросив разрешение покинуть зал, развернулась, дошла до дверей, но, подняв толстую занавеску, внезапно тихонько обернулась и взглянула на Фэн Мина, почти заставляя кровь застыть в жилах.

После чего в мёртвом молчании силуэт Цзюнь Тин скрылся за занавеской.

Спустя мгновение генерал Цан Янь, отойдя от недавнего потрясения, не посмел вновь затрагивать дело предателя и тотчас же сменил тему разговора:

— На данный момент войска, готовящие для нас засаду, по-прежнему находятся за столицей, и согласно нашим подсчётам, количество солдат достаточно огромно. Я считаю, нужно после того, как военная мощь вернётся в столицу, сразу же ликвидировать засаду, пока враг не придумал план преждевременной атаки.

— Одобряю.

— Только где всё-таки находится засада? Как атаковать войска?

Большинство, увидев, что Цзюнь Цин бледен, словно смерть, разве осмелились бы вновь упоминать Цзюнь Тин и Линь Иня?! Конечно же нет, и потому один за другим переключили внимание на военные дела.

— Место, где могут устроить засаду огромное количество солдат, на мой взгляд, должно быть здесь...

Генералы развернули большую военную карту, несколько шустрых охранников тихо подняли и унесли труп Линь Иня, после чего, взяв тряпку, вытерли кровь с пола, оставив лишь ярко алый след и витавший в воздухе дурной запах крови.

Фэн Мин, из-за взгляда уходящей Цзюнь Тин, был охвачен страхом, к тому же смутно чувствуя тянущую боль на сердце, похоже, начал задыхаться. Увидев, как генералы с огромным интересом столпились перед картой, и не зная, сколько ещё продлится это военное заседание, юноша тихо подошёл к стоящему рядом Цан Яню и, потянув его за рукав, прошептал:

— Генерал Цан Янь, я плохо себя чувствую, можно ли мне отправиться в свою комнату отдохнуть? — Цзюнь Цин пребывал в дурном настроении, и, конечно же, не хотелось его лишней раз беспокоить.

— Князь Мин действительно скверно выглядит. — Цан Янь, как раз рассматривавший план окружения и уничтожения неприятеля, услышал голос юноши и, обернувшись, смерил князя взглядом и проявил беспокойство: — Может, позвать придворного лекаря, чтобы он осмотрел Вас?

Юноша подумал: «Наверняка сильно перепугался, ведь каждый ваш военный — мастер запугивать». И, покачав головой, ответил:

— Не стоит, немного отдохну, и тотчас же полегчает.

На что генерал кивнул:

— Хорошо, тогда князь Мин пусть отправляется к себе, а мы потом доложим об этом господину Цзюнь лин-сы. — Похоже, генерал тоже понимал, что сейчас не стоит трогать Цзюнь Цина.

Обнажив лёгкую и в то же время признательную улыбку, князь вышел из зала и, оседлав коня, уехал. За ним, конечно же, последовало несколько охранников.

С головокружением, которое было вызвано заботами, Фэн Мин вернулся во дворец и только тогда понял, что прошло много времени, небо почти стало синевато-серым, а матушка-императрица уже поужинала.

Князь в общих чертах рассказал вдовствующей императрице о произошедшем сегодня и, учитывая неизвестно скольких подслушивающих и подглядывающих людей, юноша специально умолчал о некоторых мелочах, таких, как разговор с Лу Данем, который рассказал о последних днях своей жизни и о восстановленном здоровье самого князя.

Услышав, что Цзюнь Тин собственными руками убила Линь Иня, вдовствующая императрица ненадолго задумалась, после чего со вздохом проговорила:

— Традиции рода Цзюнь, оказывается, такие жестокие.

Князь пребывал в печали. Постепенно мысли о Линь Ине сменились думами о Жун Тяне, и сердце сильно забило от беспокойства, а сам юноша мрачно посмотрел на вдовствующую императрицу, желание узнать, в каком положении находится бывший император Силэй, охватило душу. Однако юноша выкинул из головы все вопросы, так как хорошо понимал, что повсюду уши. В глазах появилась рябь, словно спокойную поверхность воды встревожил сильный ветер, это волнение было настолько велико, что князь не мог себя контролировать.

Женщина с изумлением спросила:

— Что случилось, Мин-эр?

Князь окаменел и, слегка закачав головой, сказал:

— Ничего. Я слишком голоден, сперва пойду перекушу. — Поднявшись на ноги и отряхнув одежду, юноша внезапно нахмурился и, крепко сжав грудь, вскрикнул: — Больно! — Тело пошатнулось и мягко рухнуло на землю.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: шито белыми нитками; видна нечистая работа.

[2] Обр. в знач.: происходит нечто опасное и незримое глазу.

<http://bllate.org/book/13377/1190158>